

Аркадий Чужой

По ту сторону вымысла

рассказы, эссе, поэма

Аркадий Чужой

**По ту сторону вымысла.
Рассказы, эссе, поэма**

«Издательские решения»

Чужой А.

По ту сторону вымысла. Рассказы, эссе, поэма / А. Чужой —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852390-8

Что находится по ту сторону вымысла? Этим вопросом интересуются, наверное, многие, но ответ у каждого человека свой. Автор ничего не придумывал, лишь слегка обработал шероховатости происходящего, придал рассказам необходимую художественную стилистику, проводя героев через череду контрастов и интриг, противостояния и конфликтов, дабы в результате каждый нашёл бы свою истину, правду, сохраняя в душах любовь к ближнему, к Богу! Аркадий Чужой.

ISBN 978-5-44-852390-8

© Чужой А.
© Издательские решения

Содержание

Зеркальные рассказы статиста	6
1	6
2	9
Как дед Михеев умирал	11
1	12
2	14
3	17
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

По ту сторону вымысла Рассказы, эссе, поэма

Аркадий Чужой

© Аркадий Чужой, 2017

ISBN 978-5-4485-2390-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зеркальные рассказы статиста Душа инструмента

1

Дело это давнишнее, но памятное, по крайней мере, для меня.

Довелось мне как – то познакомиться с одним старым кларнетистом.

Интересный, доложу вам, был человек!.. Конечно, супротив него я был тогда, сопля зелёная. А музыканта этого величали Михалычем по имени Матвей.

Я в то время проходил срочную военную службу рядовым стройбата. А вот Матвей Михалыч, был офицером, в отставке. Музыкант. Был он, надо сказать, ростика небольшого, щупловатый, поджарый такой, но, жилистый малый. Над синими его глазами нависали бровки, этаким, домиком, а под правильной формы носом, усики топорщились щёткой. Всю свою службу прослужил он в военном оркестре, как я уже сказал, кларнетистом. Так вот, имел он музыкальное образование, причём – высшее, редкость по тем, нашим временам. Но, дирижёром как – то не стал, хотя ему предлагали не раз. Но, Матвей Михалыч, всякий раз отказывался: – Ну, не моё, говорит, – это дело, быть во главе цельного оркестра! Я, говорит, инструмент свой люблю, и никогда, слышишь, никогда не променяю его ни на что на свете и... точка! Точка!

Ну, а познакомились мы с ним, казалось, в совершенно не подходящем для этого месте, на кладбище. Да, да, именно так, на кладбище. На первый взгляд, кажется, совершенно странно!.. Но, ежели порассудить, да умом пораскинуть, то вполне, знаете ли, обыденное дело. Потому как именно там, на погосте, музыканты, наш брат духовики, чаще всего, увы, и встречаются. Ну, может ещё, где ни – будь... на танцуйках, как нынче говорят, на дискотеке. Да... танцы. Одно слово – танцплощадка, кружащиеся пары и – оркестр!..

Ну, понятно, известное дело, как водится, закурили, разговорились, то, сё, слово за слово... И на этом казалось и всё, завершилось случайное наше знакомство, мало ли встреч – то бывает... Но, вот судьба... Судьба, она распорядилась иначе, по своему.

Оказалось, что инструменты нашего оркестра на починку относили как раз в мастерскую и именно – Матвея Михалыча. Но, я – то про это ничего не ведал, не знал!.. И вот как – то на очередной вечерней репетиции моя труба, помповая, так сказать – «захворала». Стали западать кнопки, помпы ли отказали или ещё чего, не знаю. Но, что делать? А дирижёр наш, старшина, руководитель оркестра, осмотрев трубу мою, заключил: – Знаешь, в починку её надо, ага. Иди – кА, голубчик да выписывай увольнительную на пару часиков, да неси – кА голубушку свою, родимую, в мастерскую к... Матвею Михалычу! Что я незамедлительно собственноручно и выполнил.

Переодевшись в «парадку», так именовалась форма на выход в увольнение, я отправился по этому самому адресу, а шёл в первый раз, разыскивать знаменитую мастерскую Михалыча.

Нашёл надо сказать довольно быстро, оказалось совсем недалеко от нашего отряда. Маленькая такая холупочка, серенькая, невзраченькая, а подишь ты – мастерская. Но, дверь – то, мне, увы, не повезло, дверь в мастерскую была заперта. Время обеденное, видимо и Михалыч наш, ушёл на «перекус».

Ну, что делать? Присел, закурил, разглядывая свою «хворенькую» трубу, размышлял. Да вот, гражданка, воля вольная... Ну, про дом, понятно, накатило, солдат всё – таки, душа так слегка, знаете ли, заныла, затрепетала, затосковала... Ветерок шалый гонял сухие листья под

ногами редких прохожих. Но, вот на солнышко стали наползать тучки, придавая дню вечернее, пасмурное настроение, брызнув за одним серой краской на всё окружающее и, само собой на наши души людские, в том числе.

– Хо – хо – хо!? Это кто ж тут грустит – то, вздыхает? – раздался знакомый тенорок. Хозяин прибыл с обеда, обрадовался я.

– Хе – хе – хе, вот те нате, знакомые всё лица, здрасте – пожалте!.. – посмеивался добродушно он.

– Здравия желаю, Матвей Михалыч! – автоматом я выкинул шаблонное воинское приветствие.

– Да ладно ты!.. Чё, брат, удивлён – поражён!? А? А – а... – растянул Михалыч смачно гласную букву А. – Да, служивый, занимаюсь вот, исцелением душ инструмента. А чего ещё делать – то музыканту на пенсии, а? Да и дело это нравится опять же сие благородное. Ты давай входи, будет киснуть – то, входи!..

И вы знаете, внутри мастерская неожиданно показалась весьма уютной. Да. По стенам, на полочках висели, лежали аккуратненько этак инструменты всех мастей, от деревянных, до наших медных, родных.

– Ого!.. Да у вас тут я смотрю, ни на один оркестр, – тарачил я глаза. – Смотрите – кА, да и старинные даже имеются!? Здорово!.. – восхищался я, щупая, нюхая даже, каждый экземпляр.

– Давай, давай, внюхивайся, это полезная штукация, – надевая очки, задумчиво произнёс Михалыч. Рассматривая мою трубу, мастер, держа её перед глазами, толи вслушивался во что – то, толи и в самом деле принюхивался к чуму – то, застыв на этот момент как изваяние какое египетское.

– Эй, Михалыч, что, проблемы что ли какие – то? – попытался я как – то оптимизировать ситуацию.

Михалыч, помолчав некоторое время, поставив трубу мою на раструб, мундштуком вверх, произнёс: – Да, паря, устала она у тебя, понимаешь ли, устала. – повторил он, включая электрочайник.

– Я не понял, вы про что, про усталость металла что ли? – пытался я понять направление мысли Михалыча.

Мастер хитро улыбаясь, вымолвил: – Чай пить будем. Чаёк у меня – Во! – выразительно поднял он вверх большой палец. – Отменный, особенный!.. Любишь чай – то гонять, а? – тянул с ответом мастер.

Надо признаться, тогда с чаем в стране нашей, была, мягко говоря, напряжёнка. Продукт дефицитный, редкостный, а потому приглашение к чаю, я воспринял как нечто особенное, приятное что ли, хлебосольное даже.

– Ну, так что, что там про усталость эту вашу самую? – слегка приободрившись, всё же заинтересовался я.

А чайник закипел довольно быстро и через мгновение мы уже сидели, распивали душистый, забористый, особой заварки чаёк.

Понятное дело в армии нас кормили хорошо, но, чай вот, выдавали, я извиняюсь, ополоски ополосками. А этот, хозяйский чаёк, был произведением, прямо таки искусства, не меньше. Я знаю, многие русские любят «пошвыркать» этот благороднейший напиток, посидеть, поболякать, то, сё... А то всё говорят, алкаши да алкаши. Увольте, господа хорошие!..

– Понимаешь, парень, все люди имеют душу. Про иных, правда, говорят, мол бездушный человек, то, сё... – прихлёбывая чаёк, продолжил неожиданно прерванный наш разговор, Михалыч. – А инструменты они ж творение рук человеческих. Творение, именно – творение! Так вот, обладатели этих чудо рук, люди явно душевные, благородные, потому как чувстви-

тельные они, творцы – то эти самые. То есть выходит душевные, значит, чувствительные. – разомлев, философствовал наш бывалый музыкант.

Пока я размышлял над сказанным, Михалыч между делом, достал какой – то ящичек, и стал извлекать из него необходимый инструментарий.

Еле сдерживаясь от распирающего меня смеха, ага, подумал я, вот тебе и душа, внутренне похохатывая. Ну – ну, поглядим – увидим о чём дальше – то польётся слово философское!? Скептически так, внутренне, ликовал я.

А Михалыч, как ни в чём не бывало, будто и не замечая моего сарказма, продолжал, копясь в таинственном своём сундучке.

Сидишь, бывало вот так вот, один на один с имя, – обвёл он взглядом инструменты свои, – и слушаешь, понимаешь, слушаешь, о чём они говорят, вздыхают, шепчутся...

У меня, знаете ли, морозец пробежал по коже!..

– Кто, говорю, шепчется? – прошипел я вопросительно, точно гусь.

– Как кто? – театрально – патетически воскликнул мастер, – инструменты!

Вот, слышишь, весят, лежат... и вздыхают, вздыхают... – поглаживая мою трубу, мистически вскинул он свои бровки – домики.

– Знаешь, почему она у тебя прихворнула? – глядя мимо меня спросил он докторским тоном. – М? М... Не знаешь... Предчувствует она расставание. – прикуривая, сочувственно как – то, молвил Матвей Михалыч.

– Да что вы, ей Богу, в самом деле, со мной как с пацаном, каким!? Шепчутся, говорят... Это ж патология какая – то. Прямо б палата получается Чеховская, один в один. – горячился я.

А мастер, подыскивая какой – то нужный ему инструмент, хмыкнув, продолжал в прежней тональности.

– Ты когда, голубчик, призывался – то, а? Скоро, небось, на дембель... – дипломатически, умело отразил мой нахрапистый наскок Михалыч.

– Дембель, дембель... Да при чём здесь дембель? Ну, скоро, через пару месяцев наверное, сами знаете, после приказа. – не понимая логики разговора, пробурчал обиженно я.

– Вот видишь, скоро стало быть. – разминая суставы пальцев, загадочно как – то, молвил он. – А она, бедолага, чувствует это, понимаешь? Чувствует. – повторил мастер, пробиваясь к моей, не окрепшей ещё, молодой душе.

Меня тогда, я помню, точно током дёрнуло!..

– Да как, скажите, железка, какая – то, чувствовать может чего – то? И потом, я же у неё какой буду по счёту, так сказать хозяин, десятый, двадцатый? – распалился я.

– А ты, юноша, не горячись напрасно – то, а мотай на... хотя, – он улыбнулся хитро. – Ну, я не знаю, на нос что ли, тогда мотай. Усишки – то вижу, ещё не растут. Да ты не смущайся, братишка, нормально. Я тоже молодым – то был таким же вот горячим, задиристым, понимаешь ли!.. Не вешай нос, парень!..

2

Зависла пауза, в которой Михылыч что – то, где – то у трубы открутил, отвинтил. Где – то что – то продул, прочистил, тряпочкой аккуратненько протёр, смазал... И оставил, как он выразился, проветриться инструмент на воздухе, на сквознячке – с...

А меня, между тем, так и подмывало, знаете ли... подтрунить слегка над Михалычем.

Только мастер и словечко – то не дал вставить. Ну, не даёт и всё тут!

– Вот то-то и оно, говорит он, то-то и оно, брат, что не первый ты хозяин у неё, не первый. – с нажимом повторил он, на последнее слово. А у инструмента должен быть только один, понимаешь ли ты, один владелец. Вот от того и не поёт она у тебя, бедолага, не звучит. А вот когда у неё у матушки, один хозяин, да ещё тот который любит её... Да, да, именно так – любит!.. Да который холит её, да гладит, да целует... Хо! У того же инструмент сам поёт, да так, что аж мурашки продирают наскрозь!.. Играешь, а у самого от восторга, кондрашка! Веришь, нет? Вот так слегка и потряхивает, точно тремоло! До слёз иной раз случается!.. Ой, что ты!.. – шептал Михалыч откровения свои, точно заклинания, глядя вроде на меня, но, больше в себя, как мне показалось. Неожиданно в его руках оказался его родной инструмент, и, Бог ты мой... Я будто попал в... сказку...

Ах, Господи, что же он творил с моей душой!..

Это была мелодия моей юности, моей первой... любви, это была сказка...

Я, будто попал в плен чего – то прекрасного чего – то расчудесного, это была популярная в те, наши дни, мелодия – «Маленький цветок».

Я был точно под гипнозом, будто превратился в ту самую змею, которую факир вводит в состояние транса, а он, чудодей, повелевает ею. И в какой – то момент мне показалось, что и другие инструменты тоже подхватили парящую мелодию, как бы подставляя свои медные «плечи», давая ей, мелодии этой, больше воздуха для полёта, для грациозности.

Гармония распускала свой благоухающий бутон волшебного равновесия.

Но, всё прекрасное рано или поздно заканчивается, также неожиданно музыка оборвалась, испарилась, как и возникла, оставив лишь царский шлейф приятных ощущений.

Я покосился на инструменты и мне, знаете ли, показалось, ей, Богу, что они как – то помолодели, что ли, посвежели даже...

Я посмотрел на старого, мастера и у меня сердце заняло от боли и жалости. Он, бывалый лабух, плакал, тихо так, беззвучно, по-мужски плакал.

Мои глаза тоже были влажны.

Я не помню как в моих руках оказалась уже готовая к «бою» труба, как мундштук лёг на мои губы, но, вот погасшая было мелодия, вновь оживает, воскресает. И казалось, что труба моя, действительно сама поёт!.. Сама, понимаете!

Но, чудилось мне, что мелодия уже трансформировалась во что – то иное. Это был, пожалуй, некий душевный разговор, диалог двух друзей, тихий, доверительный, медно-деревянный дуэт.

Никто конечно не засекал, да и зачем это нужно, сколько по времени звучала наша, так называемая импровизация, но, мы, как нынче говорят, «оторвались» от души!.. Я даже и не думал о разнице в возрасте, сейчас мы были просто – друзья – товарищи, коллеги – музыканты.

Вообще – то, если честно, я играл на трубе, мягко говоря, весьма и весьма посредственно. Но, только ни в этот раз!

Тут к месту или нет, мне вспомнилась знаменитая легенда о маэстро Паганини, о его, якобы, дьявольском таланте. А завистников, сами знаете, во все времена, хватало. Я смотрел

на Михалыча, и представлял себе его, таким молодым, этаким бравым гусаром, на скакуне и с инструментом в руке!..

И у него тоже, подумал я, завистников немало, видимо было за его пятьдесят с небольшим...

Это сейчас я понимаю, что конечно никаким он стариком не был, просто тогдашний мой эгоизм его «делал», умышленно или нет, так называемым стариком.

Ну, а сейчас, когда я сам впал в пору маразма и детскости, когда мой собственный возраст зашкаливает, я с ностальгией вглядываюсь в то самое, всей душой любимое, моё прошлое. И конечно вспоминаю Михалыча и понимаю, что встреча с ним это был подарок, подарок самой СУДЬБЫ!

Конец.

Как дед Михеев умирал

1

Деда Михеева знали в округе, наверное, все. Нет, знаменит он особо выдающимся не был, но, вот, подишь ты, знают как – то о нём люди. Может эта молва пошла от того что, любил дед поговорить – посудачить, может быть от того, что советы любил давать к месту и не к месту, кто его знает. А может быть...

Лицом старик хоть и был похож на Шолоховского деда Щукаря, но, на самом – то деле, был он абсолютная ему противоположность. Обсолютная. Но, главное их отличие это, знаете ли, непомерная какая – то физическая силища Михеева. А отсюда и характер, своевольный, воинственный, непокорный даже!.. Скорее дед напоминал постаревшего Стеньку Разина, наверное так... Что собственно и послужило, как я думаю, его известности в округе.

Был старик бородат, как он сам говорил, мол, от лени это всё, ломаются дескать, енти самые... дрюкалки, то есть станки.

От Щукаря дед отличался ещё и немалым, высоким ростом, седой, густой шевелюрой. Но, вот не любил старик стричься – бриться, и всё тут! Почему – неведомо, но, вот не любил и всё. Вот и за глаза, люди и называли – то его, вредина, мол. Так – то конечно они его побаивались, здоров ведь, чертила, хоть и лет ему много было. Сколько, старик, правда и сам не помнил, но, всякий раз почему – то называл цифру девяносто! Да, да, именно так, девяносто! Ему возражали:– Как так, ты ж, дед, в прошлом годе, какой – то юбилей справлял!? На что старик, хитро этак гляючи, говаривал:– А кто его знает – ведает, юбилей чи ни юбилей, да токмо нонче – то девяносто было, на днях. И никто, никто, ни одна зараза, не прондздравила даже!.. – обиженно хлюпал носом старик. Хотя на самом – то деле, день рожденья у Михеева был осенью. А сейчас на дворе лето стояло жаркое.

О силушке старика легенды ходили в народе, говаривали что, даже нынешние качки из города приезжали специально, помериться со знаменитым богатырём силой. А старик и не отказывал:– Хе – хе, а чё ж не помериться – то, давай, язви тя!.. На что, только вот биться – то будем? – ставил непременные условия договора старик. Молодёжь предлагала: – А вот, на «штуку», а как, дедок?

– Хох – хо... А «штука» енто чавось? – шурился дедушка на солнышко. Ну, молодёжь, смеясь, объясняла, что «штука» это тысяча рублей. И интересовалась, так про между прочим:– А если к примеру старик проиграет, то деньги – то как, найдутся или?.. На что Михеев непременно отвечал:– А как, завсегда найдутся! А как? Всё должно быть по честному! Пензию – то на что получаю!? Так что, порядок, не боись! Но, тут же предлагал:– Ну а ежели, сынки, к примеру, вы проиграете, а? То, как?

Здоровяки – соперники, в ответ на это показывали деньги.

Дед подумав малость, отвечивал:– Да, не, на кой мне ваши деньги – то!? Ну, на тот свет их не заберёшь. Вы вот что, коли проиграете, литру поставите, этого только... как его... ну, клопами который воняет?..

– Коньяку что ли? – дивилась молодёжь.

– Во, во, его самого. – прихотывал старик, – Только что бы это, фрицевского!.. Охота на последок ихнего самогону пивнуть ещё разок. Ну, как согласны? Тада давайте, жиманёмся! – решительно заявлял спорщик.

Наконец договорившись, приступили к самим состязаниям. Тут, само собой народец подсобировався, старики в основном. Молодёжь – то вся в городе давно, известное дело. Люди толковали – спорили, кто, мол, кого одолеет, старик городских аль наоборот?

Надо сказать, парней было человек пять – шесть.

Притащили само собой, лавки, столик какой – то разыскали, установили,. Ну, и приступили к делу.

Молодёжь давай было объяснять правила, но Михеев махал рукой и указывал на место против себя:– Ты садися. Садися, не суетися. Ближе к телу, как говаривал какой – то... Мопанов....

Говорящий паренёк заявлял, что он, мол, рефери, что будет судить, а жаться – то будет не он, а их главный. Вожак, должно быть.

Та по мне хоть чёрт с коромыслом, только что бы без суеты! – хмурил брови дед.

Старик Михеев без особых усилий и проблем, одолел их жожака, а следом и ещё парочку, пожелавших потягаться.

Ну, и глядел вопросительно, мол, дальше – то что?

Поверженный вожак, был ошеломлён:– Как так, он молодой, здоровенный парень, проиграл какому – то старику??? – а куда деваться, договор же есть договор.

– Лады, дед, лады!.. Привезём, жди. – и укатили на своих дорогущих иномарках.

В город, наверное, искать, подумал победитель.

– Да обманут, поди... – кто – то из стариков шепелявил.

– Да не, не обманут. Ой, да и обманут, не велика беда. Тут главное, шо поломал я их! Вот и ладненько.

Соседи, обсуждая минувшее событие, расходились по домам не охотно. Хотелось людям поболтать, пообщаться. Всё – таки земляк их победу одержал.

– Надо было тебе чумному, деньгами взять! Дурак ты Михей, ей, Богу дурак! – досадовал щупленький старичок Кузьма Козлов. Михеев только отмахивался, мол, ладно, ладно, посмотрели цирк, расходитесь по норкам, по хаткам своим. Будет с вас, будет!

Надо сказать, ложились в той деревушке, довольно рано. Как стемнеет, так и на покой. Деревня располагалась в дали, от основных коммуникаций цивилизации, а потому не было у стариков ни электричества, ни газа, ни телефона, ни прочих прелестей современности.

Мало-помалу народец рассосался по домам. Старик сидел на своей завалинке и обдумывал минувшее событие. Приезд городских здоровяков – амбалов.

И зачем приезжали, думал он, чё хотели – то, а? Ну не из – за спортивного интереса же!? Э, тут что – то... не чисто!.. Как пить дать – не чисто!

А между тем, хоть и лето стояло, а день – то он тоже, не безразмерный, имеет свои границы... Вот и луна высунула нос из – за тучки, кто – то сыпнул горсточку звёздочек на темнеющий свод неба. Забрехали – закашляли старые дворняги собаки. Старик сходил в домик свой, принёс старенькую трёхрядку, тульскую гармошку. Закурив самосаду, тихонечко, ласково так тронул кнопочки, и гармонь, глубоко вздохнув, запела, затосковала.

– Чё, Михей, хе – хе —хе, надули – проскрипел, подошедший вновь, Кузьма Козлов. Присел рядышком с гармонистом. Тоже задымил – закурил...

– Да не, пошто надули – то!? Думаю ищут ишо. Её же пролятушую, найтить ещё же надоть, она же ни нашенская, фрицевская! – продолжая играть, отозвался старик Михеев.

– Ни то, смотри, могу, это, угостить. Угу. Старуха – то моя спит – храпит, а мы туточки, по масенькой, ась? – хихикал довольно Кузя. – А у меня всё с собой имеется. Да. – указал он на пакетик – Вот.

– Угу? А и... наливай тада, что ли!? – сменил грусть на весёлость Михей. И заулыбалась, закокетничала тулочка – певушечка, так любя свою гармонику, называл старичок.

2

Так и текла жизнь стариковская, потихонечку, да помаленечку. Прошла неделя – другая с того самого памятного события с городскими хлопцами, но, ни ответа, ни привета от «побеждённой» стороны – не было.

Но вот как – то поутру очередного дня, приехали-таки молодцы из города, да, и привезли то, что и требовал старик Михеев – немецкого коньяку! О, как! И доставили не литр, как просил дед, а целый ящик! Старик, улыбаясь, довольно, благодаря, ребят, говорил:– Да спасибо, сыночки конечно, но, стока – то это знаете ли прям-таки... лишка... Да ещё и еды вона всякой понавезли, неловко даже как – то... – почёсывал свои седые вихры Михей. Старик был явно смущён и чувствовал себя весьма неловко. А дело было всё в том, что люди, по большей части, обижались на него. Обижались, больше чем благодарили. А тут вон чего, снеди понавезли на целый месяц вперёд, наверное. Да и что греха – то таить, подарки Михеев получал, мягко говоря,

весьма и весьма редко. А если уж и вовсе на чистоту, то всего каких – то пару раз, наверное. Не больше. Один раз помнится в детстве, он это запомнил на всю жизнь, второй... на фронте! Аж сам маршал Рокоссовский подарил часы со своей руки, да не простые часики – то, а золотые! Во, как! За то, что три танка противника, как маршал выразился – Ухайдакал!

А дело, было, помнится, в Берлине, на одной из «штрассе» ихней.

Старик вспоминал: – В апреле как сейчас помню, дело – то было. Скоро войне конец, а тут вон, как назло, немочки – красавицы... Уй!.. И весна стаяла, такая, ажно дух захватывало, мать честная!..

А дивизия где служил – воевал старик, была рассредоточена, как – то так получилось, по всему Берлину. Шли уличные бои, фрицы сражались за каждый дом, каждый уголок города, зубами цеплялись!.. А он, только, только выписавшийся из госпиталя, возвращался в родную дивизию, и тут на тебе, наскочил, выражаясь его языком на, те самые, злополучные танки!

Спрятавшись сразу в укрытие, молодой ещё тогда боец Михеев, выщелывал на глазок, что тут можно предпринять, сделать – то? Ну, имелось у него кое чего из гранат, пару «лимонок», ПППШ конечно тоже наличествовал.

Колонна немецкая шла медленно, осторожно, опасаясь каждого шороха...

Боец не долго думая, подорвал вначале головную машину, затем увёртываясь от пуль противника, замыкающую, а на последок – среднюю. Затем вновь контузия, беспамятство, и снова госпиталь, лечение. И вот, приезд маршала Рокоссовского в гости в госпиталь, ну, и вручение наград!..

Да, кстати, попутно замечу, что орденов и медалей было у Михеева не малое количество – как говорится, целый иконостас!

Старик не любил рассказывать о войне, да и ордена свои надевал только раз в году, на день победы, 9 мая.

Дед Михеев любил очень по субботам баньку протопить, да попариться от души. Смыть грехи тяжкие, да раны свои обмыть, прогреть, как следует.

А банька у старика была знатная, рубленая собственными руками, потому как для себя ставил, старался, под свой рост не малый!..

И вот как – то к вечеру поближе, зовёт он к себе соседа, дружка своего фронтового Кузьму Козлова, попариться, да потолковать про жизнь их нелёгкую.

– Э, хе, хе, здорова, буйна голова!.. И чё говоришь, не обманули енти – то которые из городу – то, а? Чё, привезли, чё ли, чё обещали – то? – протирая слезящиеся глазки, пропел гнусаво Кузя.

– Ак чё, вона, в избе, цельный ящик, язви тя... – похохатывал довольно Михей, – Так что, паря, зря мы на молодёжь – то врем, зря... Ну, что плохие они у нас, внуки – то наши, правнуки... Не, братец, раз слово держать могут, стало быть и остальное при них. – толковал Михеев, подкладывая дровишек в топку печки. – Не вся она у нас пивом, да ентою заразой наркотной порченная, храни их Господь Бог! А значитя и землю есть на кого оставить, кормилицу – то нашу русскую! – заключил старик.

– Ха – ха, эк чё хватил!? – посматривал озорно Кузя, – Как замполит прим – таки Егоров наш, перед боем!.. Ну, да, да, ладно... Прав ты, прав конечно Михей, я ж и не спорю. Ты вот чё лучше, слышь ты, таши – кА ентого своего фрицевского, чё жмёшься – то, таши давай. Вспомним какая она на скус – то была, а то... забыли уж, поди... потом и обмоемся, ась?

Ну, понятное дело, сообразили старики, тюкнули по маленькой, пока банька – то про-тапливалась, перекурили малёхо, и всё это, знаете ли как – то так втихомолочку. Крякнули, повторили, покурили...

– Ну, и чё, то чи не то – покосился на дружка своего дед Михей.

– Дык чё – то... пробрало ни пробрало... чё – то не понял покедова. Не до понял ишо. – прошлёпал морщинистыми губами Кузя.

– Дык и у меня тоже как – то... это... не захорошело пока. – согласился Михеев. Короче, одним словом, усугубили старики мои, поллитровку минут за пятнадцать – двадцать. И только потом заулыбались довольно.

– То самое, она родимая!.. – посмеивались старики друг другу.

– Сон я ныне, Кузя видал. – невесело как – то заговорил Михей. – Про эту... про паразитку – то нашу окаянную.

Будто, слышь, вижу светёлку свою. Ну, в хате – то. Я – то сам, понятное дело, сплю, но, вот подишь ты, вижу как – то, и всё тут. – скручивая козью ножку, говорил Михей.

– Ну, вот, стало быть... И значитя, будто вижу, говорю, самого себя спящего, со стороны. А на супротив меня, кто б ты думаешь, сидит? – чиркнув спичкой, спрашивает рассказчик.

– А кто его знает, не ведаю... – глупо хихикнув, поёжился, однако, передёрнув плечами Кузьма.

– Сестрица наша милосердия Тамарушка. – покуривая говорил неторопливо старик.

– Ну, и чё ж лежишь, не встречаешь? – хрипло молвит она, не раскрывая рта. А я, слышь ты, руками – ногами пошевелить – то не могу, поледенели все!.. А она дальше рассказывает, мол, вот значитя, каким ты стал, боец Михеев!? Ай – яй – яй – яй – яй!.. Постарел, а... постарел... А я всё такая жа, молодая да красивая, и слышь ты смеётся!..

И наклоняясь к уху друга, Михеев выдохнул:– Слышь, ты, да только не Тамарка это была, не, не она... – тараща глаза, закусил верхнюю губу Михей.

– А кто ж? – утробно как – то спросил Кузя, отшатываясь от рассказчика.

– Кто, кто!?. Избавительница моя – смертушка!

– Да тьфу на тебя! Что б ты скиснул окаянный! Дурень ты бессердечный! Что ж ты каркаешь, что ж ты кличешь – то её ненасытную? – взметнулся мотыльком старичок Козлов. – И как у тебя язык – то поворачивается!? А? Дурак ты старый дурак, злыдень ты рассыпчатой!.. Чё ж ты людёв – то пугашь, бесстыдная твоя морденция!.. А ишо кувьяки, вишь, распивашь!.. – распался всё больше и больше Кузя.

А Михеев вдруг неожиданно залился смехом, точно колокольчиком, а потом, хлопнув себя по колену, резко оборвав смех, задумчиво произнёс:– Шутка – юмора такая, банная. Ты не сердчай, братишка. – махал рукою он. Было темненько уже, но, когда Михеев делал очередную свою затяжку козьею ножки, то от света его самокрутки, Кузьма отчётливо увидел слёзы на глазах друга.– Вот чё!.. Ты чё, Михеюшка? – враз, обмякнув, участливо спрашивает Кузя.

– А, чё? А... это – то? А... От смеха это, брат, от смеха. Жизнь она у нас какая? Смешная... ажно до слёз, язви тя!.. А что касаемо подлюги этой, с косой – то, так мы не раз глядели

ей в ненасытные, пустые глазницы. Приучены, войной ишо. Не бойсь, паря, прорвёмся!.. Айда замочим грехи наши тяжкие, банька вона, заждалась...

Парились старики довольно долго. Долго... Как говорят со вкусом, с наслаждением даже, с упоением... Кряхтели, пофыркивали, похохатывали, постанывали... Но, вот воцарилось затишье, и отворилась банная дверь и в клубах пара нарисовалась голая, мощная фигура Михеева. Даже не верилось, что этот вот, самый атлет и есть почтенный старик, фронтовик, раненный весь перераненный, места живого нет. А следом нарисовался и Кузя – маленький, щупленький старичок – сморчок, но, с такой внутренней силой оптимизма, что тут, же забываешь об его внешнем виде, остаётся лишь в памяти восхищение светом его души, чистой, доброй, не озлобленной.

Уставшие, нагие, уселись друзья – товарищи подле баньки на скамеечку, подставляя вечернему ветерку распаренные тела свои, пусть, мол, подсушит как следует. Так и сидели они, размякшие, улыбающиеся, должно быть счастливые хоть в этот миг.

В сгустившихся сумерках, из далёкой соседней деревни Савёловки, донеслись до их слуха проникающие в самое сердце звуки колокольного перезвона. К вечерне, наверное.

3

Спустя некоторое время друзья – товарищи уже сидели за столиком, под яблонькой, здесь же, в Михеевской ограде. Как водится, переодетые в чистое бельё, подтянутые, помолодевшие, будто приготовились к какому – то торжеству. Сидели напротив друг друга, молча, сидели, слушали всё ещё звучащий колокольный перезвон.

– Хорошо – блаженно улыбался Михай.

– Ага... – отозвался Кузьма.

Ну вот наконец отзвучала музыка перезвона, и воцарилась полная тишина, какая бывает только после грозы.

Эти два человека были больше чем друзья, они жизни спасали друг другу на фронте. А потому понимали всё без лишних слов.

Субботний банный день для стариков, это целый ритуал, отшлифованный годами, каждый знал свои действия в следующую минуту, и потому вскоре на столе появилась нехитрая закуска и, само собой их родная самогоночка, но, не коньяк.

Михей приговаривал:– Не, Кузечка, не, лучше твоей горилки, нет ничегошеньки во всём белом свете!

– Правильно, паря, правильно! – откликнулся живо Кузя. – И закусону, тоже, нетути, лучше чем нашенская, а не ентого, городского, нынешнего. На вид – то оно вроде и скусно, а съешь, как ошпаришься. – посмеивался Кузьма, потирая руки.

Так говорили старички тихонечко так, неторопливо, смакуя каждое слово, с пониманием дела.

– Чё – то на душе моей не покойно ноне, скребёт её голубушку чё – то... – выпустил клуб едкого дыма самосада Михай.

– Да вижу. – вздохнул понимающе Кузя. – Вижу, вижу, паря, вижу.

– Помирать ноне я буду, Кузечка, наверное... Время чую пришло... – буднично как – то проговорил Михай.

– Будя, солдат, будя за упокой – то!.. Ой... Все когда – то помрём, все! А помрём – так схоронят. А покуда живи коль живётся. Богу значится так угодно, коли, живы ишо!.. – хрипло укладывал слова в строчку Кузьма. – Ты вот что, наливай давай, наливай, да тащи эту свою, певунью – то – ободряюще смеясь, не давал киснуть Михею дружок.

– Да давай, слышь – кА, споём что ли нашу, эту... окопную, а?

И конечно вскоре в могучих руках Михея, точно детская игрушка, возникла гармонь, всхлипнув – вздохнув, она пропела проигрыш и полилась песня, тихая, не громкая, сердце теребящая...

Осколочки лютуют, пули свистят.
Но, есть приказ – Ни шагу, ни шагу назад!..
Там за спиной Родина – мать!
Её защитит собою солдат...

Письма треугольники летят домой,
Шлют родным, любимым привет фронтовой.
Если Бог даст – повезёт, вернётся солдат,
Туда где цветёт яблоневиный сад...

А покуда наливай, друг мой, коньяку,
Солдату – товарищу, земляку!..

Выпьем за победу, за отчий дом!..
Мы с тобой, дружок солдат, всё переживём!

Текст песни уж давно закончился, а гармошка всё пела и пела, никак не решаясь оборвать эту ниточку памяти с тем их прошлым. И стопочки – то полные заждались давно, и стол как – то по приуныл, поскучнел, а мужики были где – то там, далеко – далеко, на той их войне.

А утром следующего дня прикатила автолавка! Редчайшее надо сказать явление для деревушки. Да и прибыла как – то – неожиданно – нежданно.

Никто, вроде и не ждал... Только стадо коров проводили, только, хлопнув бичом скрылся в облаке пыли пастух, и на тебе – праздник прибыл, автолавка!

Началась тут как обычно в такой ситуации суматоха, суета. Старухи забегали, заблажили... Кто – то почему – то занервничал, кто – то с дурру надел на себя чего получше как ему казалось. Нет были, конечно, и такие как например дед Михеев, никак не реагирующие на это событие – явление.

– Подумашь, тожа мне – первомай какой! – пыхал недовольно сигаркой Михей. – Эге, Кузя! Ты – то куда, дурья твоя голова!? – насмешливо бросил он на перез бегущему другу, фразу – «шлагбаум». – Куда говорю ломишься – то? А, чё забыл тама? – язвительно похохатывал в бороду дед Михей, сидя на своём привычном месте, на завалинке с утра пораньше.

– Ха – ха, Здорово!.. – тормознул на момент Кузя. – Дык это, дык... пензия ж!.. – обливаясь потом, задыхаясь, еле выдавил дружок.

– Ак и чё!? И чё, притащат, поди, куды денутся – то? Бегать ишо, понимаешь ли, кланяться... Шчас, тока порты почишу да поглажу! Чё тарацишь глазья – то, а? Беги, давай, нарежай, ни то не поспеешь ишо!.. – ворчал Михей себе под ноги, сплёвывая табак с губ.

Но, ежели приглядеться к Михееву получше, то можно увидеть в его поведении некую... нервозность, возбуждённость что ли. А всё дело – то было в том, что ему самому край как надо было в эту самую автолавку! Край! Но, поскольку он был настырной породы человек, поперёшной натурой, терпел, достоинство выдерживал, блюл «карактёр», как он сам выражался. Степенничал, не мельтешил. Старик Михеев терпеть не мог, как я уже говорил, суеты. И вот когда у машины уже затолпилась практически вся деревня, вот тебе нате – нарисовался и дедушка Михеев.

А в очереди люди сразу заулыбались, за подмигивали, дескать, «явилси не запыллиси». А какая – то старушенция, проямлила:– Ой, пришёл, так становися вона в хвост... А не шастай петухом, не поглядывай бойцом!..

А Михей отмахнувшись от сварливой старухи – балаболки, как от назойливой мухи здоровенной своей ручищей, сквозь зубы сцедил:– В хвосте – то дрёпа, а я не к ней притопал!.. У меня, понимаешь ли, дело к первому лицу, к водителю – молодцу!.. – И, показав спину очереди, раскинув руки, улыбаясь, приветствовал шофёра:– Здорово были, Гришутка! Хох- ха... Как поживам – могём? Каким ветром вас надуло, к нам повернуло? Не ждамши как – то... – сыпал вопросыки – прибауточки Михей, отводя Гришу в сторонку. Отойдя, в полголоса продолжил, – Я это, слышь – кА... Дело тута до тебя... – смущаясь, шептал старик.

Гриша – водитель автолавки, поздоровавшись, с дедом, понимающе кивнул, мол, надо так надо. – Чё, дедуль, без очереди, что ли захотел? – хохотнул парень, – или чё?..

– Да пошто без очереди – то, нет. Нет, брат, ты ж знаешь, я не из таковских. Тут другое, паря. Понимаешь ли ты, – теребил бороду старик, – Тока, это... что бы по тихому... что б никому мне!.. Не то уважать перестану! – подыскивал подходящие слова Михеев.

– Да я понял, дед. – миролюбиво улыбался Гриша. – Ну?..

– Ну, лапти гну! Ты скажи – кА мне, материалу какого привёз, чи шо? – неожиданно поинтересовался дед.

– Вот чё, костюм что ли надумал шить? – рассмеялся шофёр.

– Ага, надумал... для гроба. – мрачно пошутил Михей.

Обалдевший Гриша смотрел непонимающе на собеседника:– Чё, помер что ли кто?

– Да тихо ты, окаянный!.. Вишь вон, уши – то по растопырили... – косился он на стоящих людей в очереди. – Ты просто скажи, есть чего, аль нет? – добивался своего Михеев.

– Да я и не знаю даже, там много всего чего привёз – то... Ты лучше у Светки самой и спроси. – тыкал пальцем Гриша в сторону продавщицы Светланы, которая бойко вела торговлю.

– Ай, язви вас! – буркнул недовольно старик и отошёл в сторонку. А Гриша, улучив момент, узнал-таки у Светланы, про материал, что интересовался дед. Та, глянув какие – то бумаги согласно кивнула – мол, имеется.

Томимый любопытством, Гриша срочно сообщил об этом деду и вновь поинтересовался:– Дед, а, дед, ну, а кто помер – то?

На что старик только отмахнулся:– Ай!.. Много будешь знать, беспокойно станешь спать. – хохотнул Михей, дымя своим самосадом как паровоз., будто маскируясь, от посторонних глаз.

– Фу, ты, – отмахивался от едкого дыма Гриша водитель. – И как эту заразу только люди курят!? – отходя прочь от куряки, закашлявшись.

– Дык я это, не в зятяг жа... Так, комаров тока пужаю... – посмеивался хитро дед в бороду.

Вскоре очередь по рассосалась. Люди разошлись по своим делам.

Михеев, не спеша, соблюдая выдержку, подошёл к Светлане продавщице, помявшись, озираясь по сторонам, произнёс:– Ну, чё, внучка, таперича я, чи шо?..

– Вы, дедушка, конечно, пожалуйста. Здравствуйте. Вот, получите пенсию свою заслуженную, да может, чего и купить надумаете, выбор есть, старалась – приветливо улыбалась девушка.

Тут необходимо заметить, что Гриша и Светлана, любили этих стариков и ехали к ним в эту деревушку, с желанием сделать хоть что – то приятное для этих стариков.

А местное, районное начальство про старичьё и вовсе давно позабыло, видимо вычеркнув их из своих планов, списков раз и навсегда.

А вот эти двое молодых человека наперекор всему ехали к ним за двести с лишним вёрст, что бы как – то поддержать стариков, подбодрить. Дабы знали люди, что помнят о них, что благодарны им.

Ехали даже в ущерб делу своему, не взирая ни на что. А в райцентре им говорили:– Ну, чего вы туда прётесь – то!? Никакого ж навара с этих старпёров, убытки одни!.. А ребята, не обращая на злые реплики никого внимания, молча делали настырно своё дело и всё. Да, и пенсию, что привозила Светлана людям, тоже по доброте душевной, по собственной воле. Бесплатно. На отрез, отказавшись от всяких денег за свой труд.

Родственники конечно в городе и прочих местах кое у кого конечно были, да только навещали они старичков весьма редко.

Ну, а у Михеева моего, героя войны и вовсе не было ни души. Так жизнь видно свою выстроил никудышно. А может от того, что жил не для себя. Бог его знает. Иди сейчас доказывай, ищи правду – истину...

Светлана не скупясь, выложила перед стариком всё, что имелось, четыре вида ткани – разных оттенков, фактуры, – выбирай, не хочу.

Старик выбрал, что попроще, сатинчик. Не яркий, скромный такой, как он посчитал, да вдруг, призадумался...

Ах, кикимора я болотная... А сколько ж метров – то надоть? Как это я упустил – то, язвита!? – ругал он сам себя, не произнеся ни слова, а только жестикулируя. И было не понятно, толи старику не нравится ткань, толи...

– Что, дедушка, не нравится? – участливо поинтересовалась девушка.

– Да не, милая, этот вот в самый раз... Понимаешь ли ты, упустил я, старый пень, сколь метров – то надо!.. Ну, что б хватило – то на... домовину – то! Не померил, собирался, да забыл растяпа я намыленный. – горько печалился старик Михеев.

– Может метров десять? А? – попытался хоть как – то помочь Гриша водитель.

– Десять говоришь? Ак чё ж, пушай десять. Нет, давай двенадцать, с запасом пушай будет. – заключил Михеев.

Сказано – сделано. Светлана, насупив бровки свои, отмерила двенадцать метров, как и просил дед Михеев, участливо посматривая на покупателя.

Переглянувшись с водителем, Светлана взглядом спросила, что, мол, случилось – то? А Гриша в ответ лишь плечами только пожал, мол, не знаю!..

А старик Михеев купив ещё кое чего по мелочам из продуктов, расплатившись, поблагодарив ребят, зашагал – зашаркал домой, довольный не бесполезно прожитым днём, дело какое наметил – сделал.

4

Ну, а подле Михеевского дома, на завалинке восседал – подждал приятеля, Кузьма, греясь, как старый кот на солнышке, в новенькой, только что приобретённой рубашке, с довольной улыбкой на физиономии. Увидев приближающегося дружка, Кузя, подскочил по-юношески резво, и прошёлся по кругу этаким гусаком, демонстрируя свою обновку.

– О, вот, что значит, кто рано встаёт, тому и Бог подаёт!.. – подтанцовывал Кузя, пыля поношенными кедами на босу ногу.

– Пылюку – то хоть, не подымай. Прижми дрёпу, отдыхай. – повесив на изгородь пакет с покупками, выдохнул Михей.

– А кто кобенится, тот лучше приценится, слышал такое? – отбрил товарища он, утирая капельки пота со лба. Присев в тенёк, под куст сирени, Михеев, вытянул свои длинные ноги, прикрыв глаза, на некоторое время замер, будто мгновенно уснул. Но, через секунду другую, не открывая глаз, продолжил:– Ну, чё светишься, як тот подсолнух, а? – вяловато хохотнул он.

– А чё же это, плакать чё ли? – задорно протенорил дружок Кузя. – Праздник сёдня как ни как!.. – притопнул он ножкой по земле, подняв вновь клуб пыли.

Михеев подобрал ноги, хотел встать, что – то возразить, да не смог, чих напал:– Апчхи, язви тя! Танцор... Апчхи, с колокольчиками... Вон чё, напылил, дыхнуть нечем, язви тя... Чхи, чхи... Ой, уморил. – свирепо, взрывно гремел Михей. – Тьфу, тебе за голенище!.. Праздник ему... Какой такой праздник?.. – ворчал, прочихавшись богатырь.

– А вот тебе и тьфу, пензия!.. – похлопал Кузя по груди. – На что бы я так —то обновку – то приобрёл!? – хвастливо вертелся, не унимаясь Козлов.

– Да не мельтеши ты, вижу!.. Ты вон на ноги чывось купил бы лучше. А то, без штанов, да в ентом... в галстук. – вставил шпильку Михей. Пензия... Тоже мне праздник сыскался. – надвинув кепку на глаза, устало молвил он. – Уморился чё – то, малёха... Прихворнул видать...

Помолчали немного, покурили...

– Да нервы это всё, старый, нервы, туды твою кочерыжку. Они ж нас выматывают, здоровьишко – то последнее забирают. – поставил свой привычный диагноз Кузьма.

– Ладно, ладно, ты зубы – то не заговаривай, сказывай чё припёрся – то, хвастать небось? Только оценщик – то из меня, как из курицы водолаз. – приоткрыв один глаз, молвил Михеев.

– Да не... Не, старик, не угадал. Ты вот лучше доложися, чё тама секретничал, в лавке – то? Меня отчухал, а сам, а, сам – то чё? – ворчал Кузя обиженно. – Грозился – не приду, не приду, а сам и припёрся как раз... Секреты, какие – то затеял, шипы – дрипы принародные?.. – отчитывал дружка товарищ.

– Вот чё!.. А я чё же, подотчётное лицо, чи шо? Хочу и хожу, а хочу и секретничаю. Хозяйское дело. Али я должён у народа испрашивать, говорить чи нет, аль дома сидеть, аль приходиться – уходить? – остервенело, загасил он сигарку. – Во! – показывал кукиш Михеев. – Видали!? Во, нате вот, выкусите!.. – беззлобно, куда – то в пустоту тыкал он здоровенным кулачищем.

– Да ладно тебе, кувалды свои разбрасывать, не в кузне поди. – отмахивался Кузя. – Не боимси. Ты с людьми – то – помягче бы... Ни то уж больно грозен с виду – то. – упрекал друга Козлов. – Ну, сказывай, чё шептался с Гришуткой – то? – не отставал он.

– Ха, ой... Ты, Кузя, як та муха, донимаешь и донимаешь... Ух... Ну, чё, мне, скажи на всю деревню орать, чи шо – есть в лавке тряпки какие, аль нема? Затем вот и припёрся.. Да и... пензию ж, яви её, надо ж, всё одно получить как – то, за одним – то уж!? – уварачивался от напора друга Михеев.

Кузьма конечно знал всё наперёд, что да как, да только так уж сложились их отношения, что без ворчания не обходилось. Где песня, а где и ссора лёгкая, так разнообразия. Для «выпуклости жизни», как говорил Кузя.

– И чё молчишь? Давай показывай, хвастай ни то... – провоцировал друга Кузьма.

– Ты флаг видал, наш флаг видал? Ну, вот, такая же тряпенция. Ладно, сустатку будешь? Тада пошли в дом. – и, не дожидаясь ответа приятеля, прихватив покупки, отварил калитку в свою ограду.

Небо заволокло тучами, стало как – то зябко, не уютно. А тут ещё ветерок потянул, неся с собой запах дождя.

Друзья вошли в дом, разулись, как полагалось по русскому обычаю, обмыли – ополоснули руки, сели за стол. Михеев, кряхтя, достал отрез сатину и положил перед своим другом, вот, мол, на, глазей. Пока Кузя рассматривал покупку, хозяин стал понемногу собирать на стол. Капустки в мисочке, огурчики – помидорчики, колбаски порезал, сыру, пряничков положил на тарелочку. Достал стопочки, хлебушка не забыл.

– Слушай, а может яиц пожарить на скорую руку, а? – предложил Михей. – На керосинке – то в момент сварганится?

– Да будет тебе. И так стол ломится, командуй уже... – ёрзал нетерпеливо на табуретке Кузя.

– Командуй... А это чё? – показал на наполненные уже стопки Михей. Хлопаешь, понимаешь, ушами, дружок мой дорогой. – улыбался хозяин. Эти фокусы он любил перед другом всякий раз показывать. Тоже в ритуал застолья входило. А Кузя каждый раз наигранно дивился:– Ах – ти, и как это у тебя получается? Вот только что пустые стопочки стояли, и на тебе, полнёхонькие!? – округлял глазки свои артистически товарищ.

– А вот, уметь надоть!.. Тут неважно как, тут главное, что полные! – улыбался в свою очередь Михей.

Такое застолье старичков могло длиться весьма и весьма долго. Да собственно ни само застолье их привлекало, нет. Возможность – поговорить – посудачить, про жизнь. Вот прямо как сейчас, было ж о чём потолковать – побеседовать.

– На, прибере, ни то запачкается ишо... – положил перед другом отрез Кузьма. – Пошто много – то – беря стопку, поинтересовался он. – Здесь небось метров десять, как не больше? – да вдруг запнулся не договорив.

А Михеев, опрокинув чарку вовнутрь, крякнув, шурился, сидел как кот —котофей, улыбаясь чему – то...

– Ну, ну, так чё замолчал, говори уж? – интересовался он реакцией сотоварища, заинтриговал ли?..

Кузя, степенно выпив, закусив, вопросительно поглядывал на друга, обдумывая чего – то, прикидывая. Наконец, прожевав, спросил:– Хм, ты, что же это, старый, – негромко посмеивался Кузьма, – и на меня тоже чё ли, купил? – прятался он от неловкости ситуации, в клубе дыма самосада.

– Пошто на тебя – то? Нет... Это, так это... – неумело врал Михеев, – про... запас... В хозяйстве – то сгодится. – и засуетился, тоже от смущения, с отрезом, сунув его на полочку, с глаз долой.

– Знаем мы вас... про запас, ежа вам под дрёпу!.. – не сердито передразнил друга Кузя.

А за оконцем громыхнуло натужно громом, блеснула молния и с небес, прямо – таки рухнула прорва дождя, превратив в один присест единственную улочку в деревушке в ревуший, грязевой поток!..

Непогода за окном и в доме Михея внесла коррективы, смыв обвалившимся дождём, прежнюю атмосферу общего смущения, вытеснив её прочь.

Друзья не сговариваясь, шагнули к окошку, нагнулись, что бы посмотреть на буйство дождика, и – крепко стукнулись лбами!..

– Уй, язви ты, чё ты вертишься под ногами – то!? – потирая ушибленный лоб, рявкнул Михеев.

– Вот чё!? А чё я – то? А сам – то, чё? – огрызнулся Кузя, посматривая на ушиб в зеркальце на стене. И глянув, ещё раз друг на друга, неожиданно, рассмеялись....

– Ты чё кинулся – то? – спросил хозяин дома.

– А ты? – интересовался Кузя.

– Я!? Я вот думаю, успели нет ли уехать – то робяты? – гадал Михеев, глядя в засиженное мухами окошко.

– А время – то скока прошло с того... Дык.. э... давно, небось укатили – то!? До трассы скока отседова? – засыпал вопросами Михея Кузя, почёсывая в затылке, прикидывая – успела ли автолавка дождь – то обмануть?

Не сговариваясь, мужики вышли на свежий воздух, благо дворик у Михея был почти весь под навесом. Дождик будто бы, сбавил обороты, лил более сдержанно, но, по-прежнему внушительно, увесисто.

– Эх, ты!.. Глякося, потоп, да и только... – восхищался Михей ливнем. Надо заметить, что старики оба любили дождик, особенно вот такой – грибной, проливной.

Вдруг оба старика выскочили из-под навеса, подставляя свои седые головы струям тёплого июльского дождя и смешно болтая ногами и руками, стали плясать, топчась в луже, брызгаясь, балуясь как детки малые.

Да только не зря говорят в народе – старость, не радость. Подустали мужики довольно быстро и мокрые как курицы, поплелись обратно в дом, греться – сушиться.

– На вот, пооботрись малёха, а я покуда того, печурку, что ль растоплю, – сунул полотенце в руки Кузьме Михей, – Она у меня завсегда наготове. И вскоре печка загудела – затрещала, источая берёзовый, дурмящий запах. И вот уже тепло поплыло незримой птахой, расправляя всё увереннее свои целебные крылья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.